

4. СОЦИОЛИНГВИСТИКА

DOI: 10.37892/978-5-6049527-1-9-12

GŃDAĆ IЛИ MŃWICЬ: ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ ЭТНИЧЕСКИХ СИЛЕЗЦЕВ В ПОЛЬШЕ³⁷

Александр Дмитриевич Васюков

Европейский университет в Санкт-Петербурге
(аспирант)

Аннотация. Статья посвящена анализу языковой ситуации в Верхней Силезии, этнокультурном регионе на юго-западе Польши. Силезцы – западнославянская этноязыковая группа, традиционно воспринимаемая в польском политическом и научном дискурсе в качестве этнографической группы поляков. На материалах полевой антропологической работы автор описывает специфику современных языковых процессов в регионе, социальный престиж и функционирование силезского идиома, а также общественное движение за признание его региональным языком Польши, что позволяет национальное законодательство. В исследовании показано, как лингвистическая идентичность и языковой выбор современных силезцев определялись противоречивыми процессами национального конструирования и государственной языковой политики в регионе.

Ключевые слова: силезцы, силезский язык, Польша, Верхняя Силезия, этническое меньшинство, языковая ситуация, языковая практика, идентичность.

GŃDAĆ OR MŃWICЬ: MODERN LANGUAGE PRACTICES OF ETHNIC SILESIA NS IN POLAND

Alexander D. Vasyukov

The European University at Saint Petersburg
(graduate student)

Abstract. This paper is focused on the linguistic situation in Upper Silesia, an ethnocultural region in Southern-Western Poland. The Silesians are a West Slavic minority group that traditionally has been regarded in Polish political and scientific discourse as an ethnographic group of Poles. Based on anthropological fieldwork, the author describes the specificity of modern linguistic processes in the region, the social prestige of Silesian and the movement for its recognition as a regional language in Poland. This research shows how the national construction and state language policy in Silesia have defined the linguistic identity and the language choice of modern Silesians.

Keywords: Silesians, Silesian, Poland, Upper Silesia, ethnic minority, language situation, language practice, identity.

Миноритарные этнические сообщества как объект национальной и языковой политики государств Центрально-Восточной Европы традиционно вызывают повышенный интерес в социальных науках. Лишенные собственного государства и какой-

³⁷ Исследование проведено при финансовой поддержке Фонда культур Сибири (Фюрстенберг/Хафель, Германия).

либо формы административно-территориальной автономии, такие сообщества подвергаются мощному политическому, экономическому и культурному давлению со стороны титульных групп своей страны. Данная статья представляет анализ языковых процессов среди этнических силезцев Польши второй половины XX в.

Силезцы – славянская этноязыковая группа, компактно проживающая в регионе Верхняя Силезия на польско-чешском пограничье и говорящая на восточнолехитском идиоме западнославянской группы языков (далее в тексте – силезский язык). Большинство силезцев сегодня проживает на территории Польши, где, согласно последней доступной нам переписи, они являются крупнейшим этническим и языковым меньшинством страны. При этом силезцы не признаны меньшинством на законодательном уровне, хотя сегодня в регионе существует движение, пользующееся определенной поддержкой местного населения, за достижение подобного юридического статуса. Ряд общественных организаций и региональных политических партий (Движение за автономию Силезии, Объединение лиц силезской национальности и др.) требуют признать силезцев отдельным народом. Местные этнические активисты также приступили к кодификации единого литературного стандарта для силезского языка, функционировавшего до недавнего времени почти исключительно в устной форме. Силезское языковое строительство и этнический активизм зачастую воспринимаются как актуальная этнополитическая проблема в современной Польше, поскольку отождествляются с движением за политическую автономию региона. Вместе с тем, несмотря на численное превосходство силезцев по сравнению с официально признанными этническими и национальными меньшинствами Польши, у нас имеются достаточно скудные представления о языковых процессах, которые протекают в этнической группе на протяжении последних десятилетий. Это обуславливает необходимость качественных этнографических и социолингвистических исследований в Верхней Силезии, а также продолжительной полевой работы, включающей наблюдение за языковой практикой и анализ лингвистической идентичности местного населения.

Материал для статьи собирался в ходе нескольких этнографических экспедиций в Верхнюю Силезию в 2019-2022 гг. Данная работа ведется в рамках диссертационного исследования, посвященного языковому активизму и языковой ситуации среди силезцев и кашубов Польши. Силезская часть нашей работы протекает на территории нескольких повятов Силезского и Опольского воеводств³⁸, где этнические силезцы составляют большинство населения или значительное меньшинство. Среди населенных пунктов, которые нам удалось посетить, имеются как крупные промышленные города региона: Катовице, Бытом, Хожув, Забже, Гливице и др., - так и силезскоязычные села Стшелецкого повята Опольского воеводства (Напр., Гонщоровице, Емельница, Пётровка, Лазиска).

Основные методы сбора материала включают глубинное полуструктурированное интервью (индивидуальное и групповое) [Семенова 1998: 105], наблюдение за языковыми практиками местного населения и изучение языкового ландшафта региона. На момент работы над статьей нам удалось взять интервью у 54 жителей региона, определяющих свою этническую принадлежность как силезскую. Помимо уникального полевого материала, мы также опираемся на статистические данные и результаты переписей, а также материалы других социолингвистических и этнологических исследований наших коллег, проведенных в Верхней Силезии [см. Tambor 2006; Berlińska, Jonderko 1994]. Структура статьи предполагает последовательное описание численности и расселения силезцев, дилеммы этнокультурной идентичности, с которой сталкиваются члены сообщества, а также общественной дискуссии, связанной с возможным признанием силезского региональным языком в Польше. Завершается статья общим анализом

³⁸ Воеводство – основная и самая крупная единица административно-территориального деления Польши. Воеводства состоят из повятов, а те, в свою очередь, из сельских или городских гмин.

языковых процессов в Верхней Силезии второй половины XX в. с опорой на полевые материалы автора.

1. Силезцы как западнославянская миноритарная этническая группа

Последняя доступная нам перепись населения в Польше (2011) зафиксировала 846,7 тыс. человек, указавших своей национальностью силезскую [Narodowy Spis 2015: 31]. При этом мы наблюдаем рост численности людей, готовых отождествлять себя с силезцами. Например, в 2002 г. таких было лишь 173,2 тыс. [Raport 2003: 37]. На готовность и желание респондентов идентифицировать себя как силезцев в ходе последней переписи повлияло несколько факторов: 1) возможность назвать две этничности, что позволило значительным группам населения со смешанной силезско-польской и силезско-немецкой этнической идентичностью указать обе опции; 2) пропагандистская работа этнических активистов и организаций; 3) актуализация силезской проблемы в современной Польше, связанная с повышенным вниманием о освещении темы силезской идентичности в СМИ и выступлениях политиков на фоне дискуссии о возможности признания силезского языка региональным. Рост популярности непольской модели этноидентификации в регионе признают также рапорты Статистического управления Польши [NSP 2012: 67].

Уже с 2002 г. мы можем говорить о силезцах как о наиболее крупном меньшинстве страны, для которого характерна непольская или альтернативная польской этноязыковая идентичность. Однако идентичность современных силезцев – это сложный и многосоставный феномен, специфику которого результаты переписи могут показать лишь частично. Так, из 846,7 тыс. силезцев более 375,6 тыс. респондентов назвало себя только силезцами, что составляет 44% от этнической группы. При этом из оставшихся респондентов 435,8 тыс. указали силезскую национальность как первую, а польскую или немецкую на втором месте. Для людей, указывающих двойственную идентичность, преимущественно характерна силезско-польская биэтничность, таких насчитывается 411 тыс. Однако в нашем исследовании приняли участие информанты (всего 3 чел.), декларирующие также силезско-немецкую биэтничность. Около 529,4 тыс. человек указало владение силезским языком, из них 126,5 тыс. говорят только по-силезски [Narodowy Spis 2015: 70]. Однако данные специальных социолингвистических исследований [Myśliwiec 2013], как и результаты нашего наблюдения за языковыми практиками силезцев, позволяют предположить, что такие цифры являются несколько завышенными и реальное число силезцев, ежедневно говорящих на родном языке, значительно скромнее.

Население, идентифицирующее себя как силезцев, размещается по территории Польши достаточно компактно. Большинство из них проживает на территории исторической Силезии, на юго-западе страны, у границ с Чехией и Германией. При этом речь идет в основном о Верхней Силезии, которая занимает территории современных Силезского и Опольского воеводств. Именно здесь проживает 97,9% всех силезцев, выявленных в ходе переписи. Большинство группы сконцентрировано в одноименном Силезском воеводстве (85,3%), в соседнем Опольском – 12,6%. Именно эти два воеводства (вместе с населенным кашубами Поморским) входят в тройку с наибольшими показателями непольского населения по стране. Так, в Силезском воеводстве 16,5% населения (764 тыс. чел.) указало иную чем польскую национальность, в Опольском – 16,2%. Оба региона также отличаются наибольшей непольскоязычной практикой на фоне остальных регионов страны. Так, перепись 2011 г. зафиксировала, что в Силезском воеводстве 444 тыс. чел. говорят дома преимущественно не по-польски (46,8% от показателя по всей стране), в Опольском воеводстве – 151 тыс. (15,9%). Данный показатель формируют не только силезскоязычные граждане, но и жители обоих воеводств, говорящие на других языках. Особенно следует учитывать роль этнических немцев, традиционно заметных в обоих регионах.

Подавляющее большинство силезцев (722 тыс.) проживает в ряде повятов Силезского воеводства: Рыбницком (31 тыс. – 41,5%), Миколовском (38 тыс. – 40,5%), Беруньско-Лендзинском (21 тыс. – 36%) и др., а также городах Руда Шленска (50 тыс. – 35%), Хожув (37 тыс. – 33,8%), Катовице (78 тыс. – 24%), Забже (26 тыс. – 14,6%), Бытом (31 тыс. – 17,6%) и др. Именно в этих районах находится больше всего носителей силезского языка (78%) [NSP 2012: 70]. Большинство носителей языка сегодня проживает в городах – 294 тыс., в селах лишь 117 тыс. говорит по-силезски [NSP 2012: 124]. Во многом эти данные и определяли маршрут нашей полевой работы. В Опольском воеводстве больше всего силезцев проживает в повятах Стшелецком (22,3 тыс. – 29%), Крапковицком (17 тыс. – 25,9%), Опольском (27 тыс. – 20,3%), Кендзежино-Козельском (13,1 тыс. – 13,3%). В административном центре воеводства, городе Ополе, сегодня проживает лишь 4,5 тыс. силезцев, или 3,7% жителей города. Всего на территории воеводства зафиксировано 100 тыс. этнических силезцев, из которых 41 тыс. указали своей национальностью только силезскую, а около 39 тыс. силезскую вместе с польской [NSP 2012: 66].

В политическом и научном дискурсе Польши силезцы преимущественно описываются как этнографическая группа поляков, а силезский язык как диалект польского языка [Dejna 1974: 261, Kamocki 1992: 114]. Вместе с тем, сегодня в регионе развито широкое социальное движение за признание силезцев этническим меньшинством, а силезского языка – региональным в Польше. Как показывают материалы наших интервью, значительная часть местных жителей считают себя представителями отдельного западнославянского народа. Факт непризнания такого статуса у сообщества воспринимается нашими информантами как свидетельство угнетения или неуважения силезцев в Польше.

«Действительно... разве это показатель слабости для них, если они признают существование одного миллиона силезцев? Я не понимаю причины всего этого. Для меня это все проявление какого-то высокомерия, снобизма... Если ты отрицаешь польскость, то тогда в глазах поляков ты вообще отказываешься от цивилизации или культуры...» (м., 61 год, Катовице)³⁹

Этническая и национальная идентичность силезцев еще ожидает качественных долгосрочных исследований. Однако те данные, которые у нас уже есть, фиксируют сложную и мозаичную картину. В ходе опросов 1993 г. (исследования Д. Берлинской и Ф. Йодерко) жители Опольского воеводства отвечали на вопрос о том, кем они себя считают, следующим образом: верхнесилезцами/местными/тутейшими – 62%, немцами – 15%, верхнесилезцами/немцами – 11%, верхнесилезцами/поляками – 8%, поляками – 4% [Berlińska, Jonderko 1994: 35]. Как видим, результат опроса зафиксировал значительное число людей с двойственной (региональной + польская или немецкая) идентичностью, но первое место заняла группа людей, не причисляющих себя к немцами и полякам, а демонстрирующих прежде всего локальную (верхнесилезскую) идентичность. В 1997 г. схожее исследование было проведено на территории Силезского воеводства. Там 63,8% респондентов назвали себя поляками, 12,4% – силезцами, 1,1% – немцами, поляками и силезцами – 18,1%, немцами и силезцами – 2,4%, другие – 2,2% [Bartoszek, Gruszczyński 1997: 21]. Примечательно, что более узкие исследования, ориентированные на конкретные социальные, региональные и профессиональные группы могли демонстрировать совершенно другие результаты. Так, опрос среди силезских шахтеров и работников добывающей промышленности в 1997 г. показал, что большинство из них считает себя силезцами (47%), многие считают себя и силезцами, и поляками (29%), а лишь поляками всего 23% [Wódz 1997: 80]. Данное исследование подтверждает распространённый среди наших информантов стереотип, что в традиционно шахтерских регионах и городах, не

³⁹ Здесь и далее при характеристике информанта используются следующие показатели – пол, возраст и место проживания на момент записи интервью.

испытывавших заметных миграционных движений, силезская идентичность и языковая практика сохраняется лучше.

«Где проявляется силезский язык? Вообще-то там, где не было миграций населения. Где люди живут себе спокойно. Это особенно хорошо видно на примере Катовиц. Если выходишь... эээ в районы, где новые дома, там ты уже не встретишь силезский. А если пойдешь в старые рабочие районы, где люди живут от деда-прадеда, то он там более популярный». (м., 61 год, Забже)

Подтверждается это и нашей полевой работой. Так, в ходе сбора материала в шахтерских городах Лазиска-Гурне (20 тыс.) и Руда-Шленска (74 тыс.) мы чаще всего фиксировали использование силезского языка местным населением на улицах, в магазинах и церквях, что практически не встречалось в других регионах Силезского воеводства.

2. Дебаты о статусе регионального языка в Силезии

Принятие в 2005 г. закона «Об этнических, национальных меньшинствах и региональном языке» спровоцировало целый виток дискуссий в Верхней Силезии о возможности или необходимости признания силезцев этническим меньшинством, а силезского – региональным языком в Польше. Такой статус позволил бы наделить идиом рядом административных функций, использовать его в документообороте, дублировать на силезском дорожные указатели и выделять финансирование на его преподавание в школе.

За последние годы силезские депутаты в Сейме (нижней палате парламента Польши) уже несколько раз (последний - летом 2019 г.) предпринимали попытку внести изменения в данный закон, прописав силезский наряду с кашубским в списке региональных языков страны. Вопрос признания силезского языка региональным описывается в социальных исследованиях как потенциальный конфликтогенный фактор в центр-периферийных отношениях Польши [Myśliwiec 2013: 99], а также воспринимается как проблема нашими информантами. В эту дискуссию в равной степени включены региональные и общегосударственные политические элиты, этнические активисты в Силезии и ученые. Каждая попытка внести законопроект, предусматривающий признание силезского региональным языком в Польше, сопровождается запросом Бюро Сеймового Анализа на экспертные оценки, которые бы установили оправданность присуждения подобного юридического статуса. Чаще всего в качестве экспертов привлекаются филологи и социологи из ведущих академических центров страны (Академии Наук и различных университетов). Материалы экспертных оценок представляют собой удивительный сплав, в котором причудливо сочетается как научный, так и политический, активистский и регионалистский дискурсы [Jaroszewicz 2019: 143].

Закон от 2005 г. предусматривает, что региональный язык в стране должен соответствовать двум критериям: 1) язык должен традиционно использоваться на территории государства его гражданами, которые количественно составляют меньшинство, по сравнению с остальной частью населения; 2) язык должен отличаться от официального языка государства, не быть его диалектом или языком мигрантов [Ustawa]. Ни у кого не вызывает сомнения, что славянский идиом (идиомы), который местное население называет *ślōnsko gŏdka*, полностью соответствует первому критерию. Практически все споры разворачиваются о том, насколько силезский отличается от польского языка, где проходит граница язык/диалект.

Сторонники признания силезского указывают, что текст закона не дает пояснение того, какой идиом является языком, а какой диалектом, а также на отсутствие строгих указаний, которые могли бы их разграничить. Эксперты-языковеды, привлекаемые Сеймом, чаще всего трактуют язык силезцев как диалект польского языка. В своих пояснениях они опираются не только на традицию диалектологических исследований в регионе и Польше, но и на системные лингвистические критерии. Согласно таким

оценкам, все фонологические и грамматические особенности силезских говоров соответствуют историческим и современным чертам польского языка, а также реализуются в большинстве других диалектов последнего (особенно в малопольских и велькопольских диалектах). Часто упоминается также высокая степень взаимопонятности между силезским и польским [Wyderka 2005: 188]. Следовательно, эксперты часто не видят рациональных предпосылок для признания силезского отдельным западнославянским языком.

Например, из экспертного заключения руководителя Совета польского языка (Академия Наук) Анджея Марковского мы читаем: «Уже первые исследователи доказали, что силезские говоры являются говорами польского языка, а силезский диалект, который они формируют, является таким же польским диалектом, как малопольский, велькопольский и мазовецкий. Сегодня в нашем распоряжении имеется богатый корпус, являющийся результатом таких исследований и свидетельствующий, что языковой вариант, который используют коренные силезцы является польским диалектом. Нет оснований, чтобы подвергать сомнению результаты исследований ученых-диалектологов, длившихся более ста лет. Трудно поверить, что все они, работавшие в разных условиях и часто независимо друг от друга, пришли к научно неверным заключениям» [Markowski 2012].

Сторонники признания силезского региональным подчеркивают, что лишь лингвистических критериев недостаточно для решения данного вопроса и проведения границы «язык/диалект». Гораздо важнее политическая воля и самоопределение носителей языка. Так, профессор Марья Шмея пишет о том, что далеко не всегда наблюдения лингвистов совпадают с результатами оценок социологов: «Не только лексические различия, не только мелодия и акцентуация отличают региональный язык. Также важным является культурный и общественный контекст употребления языка. Современное, повсеместно одобряемое в Силезии, движение за повышение ранга локального языка свидетельствует о его ценности для людей. Полагаю, что признание силезского языка имеет колоссальное значение для позитивных настроений людей, проживающих в Силезии. Маргинализированные в немецком государстве, насильно реполонизированные в польском, они могут, наконец, почувствовать свою субъектность и то, что являются гордыми гражданами с локальной спецификой, которую уважают» [Szmeja 2012].

Действительно, большинство интервьюированных нами этнических силезцев (47 из 54) определяло свой идиом как язык, а не диалект польского. При этом многие экспертные оценки приходят к заключению, что вопрос признания силезского языка региональным неизбежно политизируется и не может быть исключительно научной проблемой. В политическом дискурсе вопрос удовлетворения языковых притязаний силезцев почти постоянно отождествляется с развитым автономистским движением в регионе и страхом польского общества перед возможным сепаратизмом в Силезии.

3. Языковой престиж, повседневный выбор и культурное перевоспитание в Верхней Силезии

Исторически регион Верхняя Силезия отличался пестрым лингвистическим ландшафтом. Речевой репертуар местного населения составляли сразу несколько языковых кодов, представляющих как литературные стандартизированные языки крупных наций-государств: польский, немецкий, чешский, - так и некодифицированные локальные идиомы: силезский диалект немецкого и славянский силезский. Последний филологи причисляли либо к польской, либо к чешской диалектным зонам. Лингвистическая палитра дополняла и усложняла этнические и национальные границы силезцев, которые постоянно переосмыслились из-за частой смены государственной принадлежности последних двух веков. С конца XVIII в. большая часть Верхней Силезии входила в состав

Пруссии, которая в 1871 г. стала частью объединенной Германии. После Первой мировой войны в результате Силезского плебисцита 1921 г. Верхняя Силезия была разделена между Германией и Второй польской республикой, в рамках которой получила статус автономного воеводства. По результатам Второй мировой войны большая часть Верхней Силезии оказалась в составе Польской народной республики.

В ходе нашей полевой работы и глубинных интервью мы старались фиксировать опыт функционирования, сохранения и передачи славянского силезского языка (сил. *Ślōnsko gōdka*) в семьях местных жителей на протяжении второй половины XX в. Материалы наших интервью показывают, что силезский традиционно занимал самое низкое место в языковых иерархиях местного населения. Полиязычность региона после Второй мировой войны, окончательного вхождения большей части Верхней Силезии в состав Польши и депортации многих этнических немцев, постепенно сменилась польско-силезским билингвизмом, носящим отчетливо ассиметричный характер. Польский язык занимал доминирующее положение языка власти, образования, культуры, СМИ и католического костела, в то время как силезскому отводилась роль диалекта, пригодного для повседневного бытового общения и, временами, выражения фольклорной специфики силезцев. Воспоминания информантов отчетливо свидетельствуют о низком языковом престиже силезского, который в ходе контактов с поляками постепенно перенимался местным населением.

«Для меня силезский всегда был языком семьи, но не среды. Это важно. После войны силезский был языком, который власти очень негативно воспринимали. Будто на нем говорили худшие люди, необразованные из таких... низких сфер. И эта нагонка очень сильно отобразилась на сообществе. Многие люди старше меня до сих пор так считают, что это худший язык». (м., 41 год, Бытом)

«Я родилась в такой местности, где люди говорят по-силезски, понимаете? Знали немецкий язык. А как пришел 45-й год, я родилась в 33-м. И в 45 начинается ужасный шок... Это был шок... потому что поляки кривились, если слышали наш язык». (ж., 89 лет, Ополе)

В социолингвистике под языковым престижем понимается уровень уважения к идиому в речевом сообществе [Kahane 1986]. Несмотря на то, что во второй половине XX в. Силезия стала одним из центров тяжелой промышленности Польши, а регион испытывал стремительную индустриализацию и урбанизацию, силезский язык воспринимался как речь «отсталых сельских жителей», как проявление неграмотности и необразованности говорящего. Сведение силезского языка к функциональному статусу диалекта, позволяет нам воспринимать языковую ситуацию в регионе как пример диглоссии или сосуществования двух вариантов языка, четко размежеванных по функциональной сфере и престижу [Фергюсон 2012: 44].

«Моя старшая дочь... та, которая врач... она самая старшая, поэтому еще воспитывалась в селе, где все было по-силезски. И она более так привязана к силезскости. Она мне говорила, что был у нее пациент. Пришел с женой. И она слышит, что он силезец и жена тоже. И она к ним... как к пациентам врач... говорит по-силезски. И у этих людей были такие глаза... как так возможно, чтобы человек с образованием, является врачом... и говорит по-силезски». (ж., 78 лет, Ополе)

Возможно, мы также можем говорить об интенсификации языкового сдвига в Верхней Силезии, связанного с повсеместным переходом коренного населения на польский язык. Низкий социальный статус силезского приводит к ослаблению языковой лояльности в речевом сообществе и постепенному прекращению межпоколенческой передачи языка. Пока ситуация в Силезии не так критична, как в случае с другими региональными языками и диалектами Польши. Наша полевая работа среди кашубов, языкового меньшинства на севере Польши [см. Васюков 2021], позволяет судить, что степень сохранности силезского пока еще достаточно сильна, но уже не во всех местах проведения нашей полевой работы мы встречали детей, говорящих по-силезски. Прежде

всего, это касается крупных промышленных городов региона (Катовице, Бытом, Хожув, Забже и др.), испытавших в XX в. значительные изменения в этнодемографической структуре населения. При этом необходимо отметить, что проблема утраты языка и сохранения традиционной языковой практики силезцев остро ощущается самими информантами.

«Молодые люди, говорящие... которые отождествляют себя с Силезией, говорящие, что они силезцы по национальности... они уже не говорят по-силезски, могут только по-польски и по-английски... но при этом декларируют национальность. В действительности, они от поляков уже ничем не отличаются... говорят на том же языке, разделяют те же культурные черты, но сохраняют ощущение отличительности... мое поколение еще сохраняет эту разницу... хотя бы языковую». (м., 54 года, Катовице)

Проблема утраты региональных языков и диалектов в условиях достаточно централистской языковой политики Польши уже давно волнует ученых. В своем социолингвистическом исследовании Верхней Силезии Йоланта Тамбор отмечает, что всю вторую половину XX в. на волне индустриализации и стремительной урбанизации в польском обществе сложилось вполне определенное представление о престиже и жизненном успехе, связанное с переселением из сельской местности в городскую. Диалекты, а именно таким образом трактовался тогда силезский, считались неотъемлемой частью сельского образа жизни. Пусть к социальному успеху лежал через забвение локального этнолекта и перехода к литературной норме основного (государственного) языка [Tambor 2006: 147].

Но мы можем также обратиться к особенностям функционирования национального государства, которым Польша традиционно воспринимала себя. Как отмечает Эйнар Хауген, внутренняя логика нации состоит в том, чтобы минимизировать внутренние различия и максимизировать внешние. Идеал нации – внутренняя сплоченность и внешняя разделенность [Хауген 2012: 104]. Государство очень быстро улавливает тревожные сигналы языкового сепаратизма, поэтому группы населения, чьи языковые практики и идентичность не вписываются в унифицирующие рамки нации, становятся объектом языкового переучивания. Это должно было особенно ярко проявиться в регионах, окончательно вошедших в состав Польши лишь после Второй мировой войны. Городской ландшафт уже с первых дней нашей полевой работы наглядно демонстрировал, какое важное место занимала приграничная Силезия в символических практиках утверждения и удержания границ польского государства. Полевой материал также обнаруживает живую память этнической группы о практиках языковой гомогенизации, реализуемой государством в течении всей второй половины XX в. Как показывают свидетельства наших информантов, одним из наиболее эффективных инструментов по «языковому перевоспитанию» силезцев была государственная школа, контакт с которой был этапом переучивания «правильному языку»:

«Я помню свою школу... Это был урок польского языка, нам что-то рассказывали о диалектах. Учительница говорила о мазурском, кашубском диалекте... о других. И тут я спрашиваю ее: «А как же наш говор [gwara]?». И тогда учительница ответила, что раньше был такой диалект... силезский... но только в селах, и только неграмотные люди говорили на нем. Мне это было так обидно... Ведь на этом языке я говорил со своей бабушкой и дедушкой...» (м., 61 год, Катовице)

Силезский преподносился школой как архаичный рудимент, сохранившийся в сельских необразованных массах, как что-то, что не может быть частью жизни современного образованного человека. Разумеется, такой подход лишь сохранял и укреплял диглоссию среди силезцев, напрямую определяя повседневные языковые практики и языковой выбор членов речевого сообщества. Контакт со школой был тем импульсом, причем часто травмирующим и болезненным, который запускал внутреннюю рефлексию информантов об их этнической и языковой специфике на фоне остальной

части общества. Учителя, многие из которых были выходцами других регионов Польши, указывали информантам, что они являются носителями другой традиции, контрастирующей с некоей ожидаемой нормой.

«Лично я это очень тяжело пережила. В моем классе в начальной школе были дети этих повстанцев⁴⁰... моя семья не была повстанческой, нет-нет-нет... абсолютно. Ничего такого... у нас были немецкие настроения... Эти дети часто получали по польскому двойки. Учительница бесконечно кричала. А они были уверены, что говорят по-польски. И случилась такая история, что этот повстанец, я не помню его фамилию. Звали его Рудольф. У них было крупное хозяйство над самой Одрой... пришел в школу, вошел в класс, когда у нас был урок польского и этой учительнице по-силезски: «Что вы хотите от моего сына? Почему вы говорите (gōdoće), что он не умеет по-польски? А на каком он говорит? (gōdo)». [сил. Co wy chcecie uĩd mojego synka? Czemu wy gōdoće, że uĩn nie zradzi po polsku? A po jakim uĩn gōdo?]. А она на него, эта учительница, с таким краковским, она ему: «Сначала научитесь по-польски говорить (mówić), а затем приходите в школу разбираться». [поль. Niech się ran najpierw nauczu po polsku mówić, a potem przychodzi do szkoły awanturować]. Знаете, я еще сегодня вижу лицо этого старого повстанца. Я этого не забуду». (ж., 78 лет, Ополе)

Последняя цитата ярко демонстрирует оппозицию «gōdać-mówić», затронутую многими нашими информантами. Оба глагола переводятся на русский язык как «говорить», но первый подразумевает, что говорят по-силезски, второй – по-польски. В речи наших информантов, вне зависимости от того, на каком языке было записано интервью, оба глагола употребляются в качестве противопоставления. Для наглядности мы можем сконструировать предложение: «Uĩn mówi, ale nie gōdo – Он говорит по-польски, но не по-силезски».

В ходе нашей полевой работы нас интересовали практики смены языковых кодов у современных силезцев, а также роль языка в конструировании и поддержке этнических границ. Как показывают предварительные результаты, в незнакомой среде и при знакомстве с новыми людьми, наши информанты почти всегда склонны инициировать коммуникацию на польском. Разговор даже среди силезцев почти никогда не начинается на родном языке. Например, наша молодая информантка описывала ситуацию с места своей работы в супермаркете:

«О, у меня тоже была такая ситуация на работе. Пришел новый человек. Ну я знала, что она силезка. Но сначала каждый mówi (говорит по-польски). Не бывает так, чтобы кто-то пришел и сразу по-силезски. Так что каждый mówi (говорит по-польски). И я должна была дать этой девушке какую-то работу. И она мне все время mówiła. И спустя много времени, уже не помню как, но услышала что она gōdo. Я ей: Кристина, ты gōdosz?»

- Ну да.

- Так почему сразу не сказала?

- Ну не знаю. Ты мне mówiłaś и я тебе тоже mówiłam» (ж., 25 лет, с. Гонцоровице)

Как объясняют информанты, сначала им надо убедиться, что их собеседник говорит и поймет по-силезски, чтобы потом перейти на него. Иногда это может занимать достаточно продолжительное время, а информанты делились изощренными сигнальными системами (акцент, произношение, порой даже антропологические черты), которые позволяют понять «gōdo» ли их собеседник. Мы не раз фиксировали рефлексии информантов, которые по польской речи своих собеседников стремились идентифицировать в них силезцев.

Данная проблема еще требует сбора дополнительного материала, наблюдений и рефлексии, но предполагаем, что за подобными практиками кроется травмирующий опыт членов культурного, этнического и языкового меньшинства. Стремясь не

⁴⁰ Информантка имеет в виду участников пропольских восстаний в Верхней Силезии 1919-1921 гг.

демонстрировать лишней раз свою идентичность и этническое происхождение в публичном пространстве, информанты словно пытаются обезопасить себя от возможной дискриминации. Лишь распознав «таких же силезцев» информанты могут почувствовать себя в безопасности и переключиться на привычную им языковую практику.

4. Заключение

Современная языковая ситуация в Верхней Силезии во многом отражает длительные попытки государства интегрировать данный регион, приблизив культурную специфику местного населения к воображаемой общепольской норме. Славянская идентичность и языковая практика местного населения служила одним из наиболее важных аргументов, легитимирующих вхождение Верхней Силезии в состав Польши в конце Второй мировой войны. При этом государство посредством школы часто стремилось повлиять на языковую практику силезцев, сделав культурные различия между центром и периферией страны менее заметными.

Десятилетия демократических преобразований в польском обществе способствовали новому открытию дискуссии о «силезскости» и статусе силезцев, а также их языка в стране. Данное исследование показывает смену привычных моделей этнонациональной и лингвистической идентичности, переживаемую автохтонным населением Верхней Силезии. Все больше и больше силезцев сегодня готовы декларировать свое этническое происхождение в ходе переписи, а присуждение силезскому статусу регионального языка получает все большую поддержку в сообществе. Вместе с тем наша полевая работа зафиксировала все еще достаточно низкий социальный престиж силезского, а также элементы диглоссии и языкового сдвига в речевом сообществе, ставшие возможными благодаря продолжительным практикам культурной гомогенизации и последовательной языковой политики, реализуемой государством в данном регионе.

Материалы, изложенные в статье, позволяют понять, что языковая практика современных силезцев Польши скрывает под собой болезненный опыт осознания своей культурной инаковости членами миноритарного сообщества. Лингвистическая рефлексия наших информантов, предполагающая выстраивание, поддержку и нарушение этноязыковых границ, показывает, как члены меньшинства стремятся вписаться в предписываемую им со стороны большинства культурную норму.

Литература

Васюков, А. Языковое региональное сообщество: очерки языкового сдвига в Кашубии // Альманах конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Выпуск II. Отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. – М.: ИЭА РАН, 2021. – с. 5 - 17.

Семенова, В. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию. - М.: Добросвет, 1998. - 290 с.

Фергюсон, Ч. Диглоссия // Социолингвистика и социология языка. Т.1. Под ред. Н.Б. Вахтина. - СПб: Издательство Европейского университета, 2012. – с. 43– 62.

Хауген, Э. Диалект, язык, нация // Социолингвистика и социология языка. Т.1. Под ред. Н.Б. Вахтина. - СПб: Издательство Европейского университета, 2012. – с. 97 – 114.

Bartoszek, A. Gruszczyński, L. Województwo katowickie. Obraz życia I jego warunków w świadomości mieszkańców. - Katowice: UK, 1997. – 160 s.

Berlińska, D. Jonderko, F. Stosunki etniczne i postawy polityczne mieszkańców Śląska Opolskiego. - Opole, 1994. – 235 s.

Dejna, K. Dialekty polskie. - Wrocław: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, 1973. – 283 s.

- Jaroszewicz, H. Krytyka prób emancypacji śląszczyzny. Płaszczyzna naukowa (lingwistyczna) // *Slavia Occidentalis*. - 2019. – Nr. 76(1). – s. 137-166.
- Kahane, H. Typology of the Prestige Language // *Language*. - 1986. - Vol. 62. No. 3. - p. 495-508.
- Kamocki, J. Zarys grup etnograficznych w Polsce // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio Historia*. - 1992. – Nr.2. - s. 103 - 132.
- Markowski, A. Opinia o projekcie ustawy o zmianie ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym, a także niektórych innych ustaw (1.10.12) [[http://orka.sejm.gov.pl/RexDomk7.nsf/0/C5D62FDD70A8B604C1257A7000338B13/\\$file/i2207-12A.rtf](http://orka.sejm.gov.pl/RexDomk7.nsf/0/C5D62FDD70A8B604C1257A7000338B13/$file/i2207-12A.rtf)].
- Myśliwiec, M. Ślōnskō godka — przaśny folklor czy język regionalny? // *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*. - 2013. - Nr.3(15). - s. 99-120.
- Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski. - Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2015. – 256 s.
- NSP 2011 – Ludność w województwie śląskim. Stan i struktura demograficzno-społeczna. — Katowice: Urząd Statystyczny w Katowicach, 2012. – 194 s.
- NSP 2011 – Raport z wyników w województwie opolskim. - Opole: Opolski Ośrodek Badań Regionalnych, 2012. – 128 s.
- Raport z wyników Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002. - Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2003. – 147 s.
- Szmeja, M. Opinia o projekcie ustawy o zmianie ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym (1.10.12) [[http://orka.sejm.gov.pl/IEKSBAS.nsf/0/C125768C004D7EE7C1257ACA0049-6638/\\$file/i2207-12A.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/IEKSBAS.nsf/0/C125768C004D7EE7C1257ACA0049-6638/$file/i2207-12A.pdf)].
- Tambor, J. Mowa Górnoszlązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna. - Katowice: WUŚ, 2006. – 313 s.
- Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. „O mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym” [<http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20050170141/U/D20050141Lj.pdf>]
- Wódz, K. Górnicy wobec wyzwań restrukturyzacji. – Katowice: Wydawnictwo naukowe, 1997. – 262 s.
- Wyderka, B. O stosunkach językowych na Śląsku // *Białostockie Archiwum Językowe*. - 2005. – Nr. 5. - s. 181-190.

References

- Vasiukov, A. Yazykovoe regional'noe soobshestvo: ocherki yazykovogo sdviga v Kashubii [Regional language community: a study on language shift in Kashubia] // Oreshin S. A., Serin P. A. (eds). Almanah konferencii molodyh uchenyh Instituta etnologii i antropologii RAN [The almanac of the conference of young scientists at IEA RAS]. Vol. II. – M.: IEA RAN, 2021. – P. 5-17.
- Semenova, V. Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sociologiyu [Qualitative methods: introduction to humanistic sociology]. – M.: Dobrosvet, 1998. – 290 p.
- Fergyuson, Ch. Diglossiya [Diglossia] // Vakhtin N. B. (ed.). Sociolingvistika i sociologiya yazyka [Sociolinguistics and sociology of language]. Vol. 1. – Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta, 2012. – P. 43–62.
- Haugen, E. Dialekt, yazyk, naciya [Dialect, language, nation] // Vakhtin N. B. (ed.). Sociolingvistika i sociologiya yazyka [Sociolinguistics and sociology of language]. Vol. 1. – Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta, 2012. – P. 97–114.
- Bartoszek A., Gruszczyński L. Województwo katowickie. Obraz życia i jego warunków w świadomości mieszkańców [Silesian Voivodeship. Lifestyle and its conditions in the consciousness of residents]. – Katowice: UK, 1997. – 160 s.

Berlińska D., Jonderko F. Stosunki etniczne i postawy polityczne mieszkańców Śląska Opolskiego [Ethnic relations and political attitudes among the residents of Opole Silesia]. – Opole, 1994. – 235 s.

Dejna, K. Dialekty polskie [Polish dialects]. – Wrocław: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, 1973. – 283 s.

Jaroszewicz, H. Krytyka prób emancypacji śląszczyzny. Płaszczyzna naukowa (lingwistyczna) [The critics of Silesian's emancipation attempts. The scientific (linguistic) dimension] // *Slavia Occidentalis*. – 2019. – Nr. 76(1). – S. 137-166.

Kahane, H. Typology of the Prestige Language // *Language*. – 1986. – Vol. 62. No. 3. – P. 495-508.

Kamocki, J. Zarys grup etnograficznych w Polsce [The study on the ethnographic groups of Poles] // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio Historia*. – 1992. – Nr.2. – S. 103-132.

Markowski, A. Opinia o projekcie ustawy o zmianie ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym, a także niektórych innych ustaw [The report on law project on ethnic, national minorities and regional language] (1.10.12) [[http://orka.sejm.gov.pl/RexDomk7.nsf/0/C5D62FDD70A8B604C1257A7000338B13/\\$file/i2207-12A.rtf](http://orka.sejm.gov.pl/RexDomk7.nsf/0/C5D62FDD70A8B604C1257A7000338B13/$file/i2207-12A.rtf)].

Myśliwiec, M. Ślōnskō godka — przaśny folklor czy język regionalny? [Ślōnskō godka — folklore or regional language?] // *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*. – 2013. – Nr.3(15). – S. 99-120.

Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011. Struktura narodowo-etniczna, językowa i wyznaniowa ludności Polski [National People Census in 2011. The national, ethnic and language structure of Poland's population]. – Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2015. – 256 s.

NSP 2011 – Ludność w województwie śląskim. Stan i struktura demograficzno-społeczna [NSP 2011 — The population of Silesian Voivodeship. The demographic state and structure]. – Katowice: Urząd Statystyczny w Katowicach, 2012. – 194 s.

NSP 2011 – Raport z wyników w województwie opolskim [NSP 2011 — The results report for Opole Voivodeship]. – Opole: Opolski Ośrodek Badań Regionalnych, 2012. – 128 s.

Raport z wyników Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002 [The report on National People Census in 2002]. – Warszawa: Główny urząd statystyczny, 2003. – 147 s.

Szmeja, M. Opinia o projekcie ustawy o zmianie ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym [The report on law project on ethnic, national minorities and regional language] (1.10.12) [[http://orka.sejm.gov.pl/IEKSBAS.nsf/0/C125768C004D7EE7C1257ACA0049-6638/\\$file/i2207-12A.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/IEKSBAS.nsf/0/C125768C004D7EE7C1257ACA0049-6638/$file/i2207-12A.pdf)].

Tambor, J. Mowa Górnoślązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna [The language of Upper Silesians, their linguistic and ethnic consciousness]. – Katowice: WUŚ, 2006. – 313 s.

Ustawa z dnia 6 stycznia 2005 r. O mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym [The Law on national, ethnic minorities and regional language] 2012, [<http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20050170141/U/D20050141Lj.pdf>]

Wódcz, K. Górnicy wobec wyzwań restrukturyzacji [The minors about restructuring challenges]. – Katowice: Wydawnictwo naukowe, 1997. – 262 s.

Wyderka, B. O stosunkach językowych na Śląsku [The language relations in Silesia] // *Białostockie Archiwum Językowe*. – 2005. – Nr. 5. – S. 181-190.